

Правда, тогда слова типа *смело* нельзя будет, очевидно, считать производными (мотивированными), но выше уже говорилось, что и при существующем в АГ подходе утверждение о мотивированности слов типа *смело* приходится принимать на веру, оно лишено всяких серьезных оснований.

Нам кажется излишне усложненной и характеристика признаков производной и производящей основы, которую мы находим у М. В. Панова⁹. Он тоже считает достаточным признаком производящей основы меньшее число значимых частей по сравнению с основой другого однокорневого слова (случаи: *писать* — *написать*, *учитель* — *учительница*). Однако по отношению к другим парам выдвигается иной признак производящей основы: автор считает, что при равном числе значимых частей производна та основа, которая семантически маркирована (*красавец* — *красавица*, *переносит* — *перенос*).

Но здесь, хотя бы на слове *перенос*, можно еще раз показать, что практически определению значимых частей в слове должен предшествовать анализ семантических отношений между данным словом и другим однокоренным. Чтобы считать *перенос* и *переносит* словами с одинаковым числом значимых частей в основе, следует признать в слове *перенос* нулевой аффикс, но ведь это (даже для сторонников нулевой аффиксации) возможно только в результате анализа семантических отношений между словами *перенос* и *переносит*.

Так не проще ли и точнее было бы свести три признака производной основы, которые предлагает М. В. Панов, к одному: в словопроизводной паре производным является то, что семантически сложнее? И тогда производными окажутся те слова, которые и М. В. Панов считает словами с производной основой (исключение составят, может быть, случаи такого типа как пары *красавец* — *красавица*, где можно говорить о параллельной производности обоих слов от слова *красивый*, однако возможность разной интерпретации подобных случаев не связана, очевидно, с тем, как сформулированы правила определения производности слов).

Известные противоречия можно усмотреть и между признаками производной основы и конкретным анализом материала у Е. А. Земской. Говоря о свойствах производных основ, автор пишет: «Производная основа семантически мотивируется производящей и в структурном отношении является более сложной, чем производящая»¹⁰. Однако дальше в той же работе говорится о случаях усечения конечного суффикса или суффиксоида производящей основы и в качестве примеров приведены: *вульгарный* — *вульгарщина*, *термоядерный* — *термоядерщина*, *нецензурный* — *нецензурищина*, *объективный* — *объективщина* и т. п. (стр. 6). Но ведь в паре *объективный* — *объективщина* и подобных структура обоих слов одинаковой сложности. Очевидно, в приведенной выше формулировке одного из свойств производной основы следовало ограничиться ее первой частью: «Производная основа семантически мотивируется производящей».

Мы думаем, таким образом, что единственной обязательной сложностью в слове, говорящей о его производности, является сложность семантическая. Семантическая соотносительность — вот те обязательные отношения между словами, анализ которых в первую очередь (а иногда только он) должен ложиться в основу словообразовательного анализа¹¹.

⁹ Панов М. В. Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. I, Индоевропейские языки. М., 1966, стр. 71.

¹⁰ Земская Е. А. Понятия производности..., стр. 4.

¹¹ Нам кажутся очень точными и убедительными рассуждения по этому поводу у И. А. Мельчука (см. его статью «Об определении большей/меньшей смысловой сложности при словообразовательных отношениях». «Изв. АН СССР, Серия лит. и языка», 1969, вып. 2).